

Признаюсь, никогда еще и мнѣ самому не доводилось чувствовать всю великость истины, заключающейся въ этой торжественной пѣсни воскресенія, какъ въ эту минуту, надъ браннымъ остаткомъ человѣка, котораго душа была глубоко проникнута живою вѣрою во Иисуса Христа!....

Послѣ службы, супруга Жуковского еще разъ съ восторгомъ вспомнила о той святой радости, которой онъ былъ исполненъ послѣ причащенія Св. Таинъ. «Развѣ вы не знаете, говорила она мнѣ, что съ нимъ было чудо? Онъ мнѣ самъ говорилъ, что видѣлъ Иисуса Христа, Который явился ему въ тѣлесномъ видѣ». Я понялъ вполне это видѣніе, ибо былъ свидѣтелемъ его сердечнаго восторга по принятіи Св. Таинъ.

Рѣдко можно встрѣтить подобнаго человѣка, который бы такъ безбоязненно смотрѣлъ въ глаза смерти, какъ смотрѣлъ на нее нашъ поэтъ-христіанинъ и христіанинъ-философъ Жуковскій. Съ самаго перваго дня своей болѣзни, которая серьезно началась съ 1/12 Апрѣля, онъ уже сталъ помышлять о переходѣ въ другой міръ. Еще затри недѣли до своей смерти, въ кругу друзей своихъ, разсуждалъ онъ о блаженствѣ соединенія съ Богомъ чрезъ І. Христа, ожидающимъ христіанина за гробомъ. Съ ними же окончательно обсудилъ онъ и будущность своего семейства, вскорѣ долженствовавшаго осиротѣть. Какъ спокойно обдумывалъ онъ свою кончину, видно особенно изъ одного завѣщанія его своему человѣку. «Василій» — говорилъ онъ ему, уже лежа въ постелѣ: «ты, когда я умру, положи мнѣ сейчасъ же на глаза по гульдену и подвяжи ротъ; я не хочу, чтобы меня боялись мертвого». Въ такихъ простыхъ словахъ кто не увидитъ выраженія того добродушія, которое было постояннымъ характеромъ его при жизни, и которое не слетѣло съ лица его и послѣ того, какъ душа оставила его тѣло?

14/26 Апрѣля мы собрались всѣ вокругъ тѣла покойнаго. Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Ольга Николаевна, по первому телеграфическому извѣстію въ Стутгартѣ о кончинѣ столько уважаемаго старца, отправила въ Баденъ своего Секретаря Н. О. Адельунга для выраженія своего соболезнованія осиротѣвшему семейству, и своихъ пѣвчихъ для отпѣванія тѣла покойнаго. Пріѣхали также изъ Стутгарта Кн. Щербатовъ и Н. М. Докучаевъ, изъ Карлсруэ П. П. Озеровъ; собрались и всѣ Русскіе, находившіеся въ это время въ Баденѣ. Здѣсь передъ отпѣваніемъ мы еще разъ собрались въ кругу семейномъ: вдова Жуковского, безрукій Рейтернъ, тестъ покойнаго, съ своею супругою, г-жа Сидовъ и я. Каждому изъ насъ равно дороги были послѣднія слова Жуковского, но для всѣхъ вмѣстѣ самое большое утѣшеніе доставляла мысль о его истинно-христіанской кончинѣ. Такъ г-жа Жуковская разсказала намъ, что наканунѣ смерти своей въ пятницу онъ уви-

рялъ ее еще разъ, что онъ видѣлъ І. Христа. «Да, другъ мой» — говорилъ онъ ей — «это было не видѣніе; я видѣлъ Его тѣлеснымъ образомъ; я видѣлъ Его, какъ Онъ стоялъ сзади дѣтей моихъ въ то время, когда они пріобщались Св. Таинъ. Онъ будетъ съ ними. Онъ мнѣ Самъ сказалъ это». Послѣ подошла къ нему г-жа Сидовъ, и онъ, взглянувъ на нее, сказалъ: «Скажите мнѣ, какія мощи на васъ? Нѣтъ, я серьезно спрашиваю васъ, есть ли на васъ мощи»? Она дѣйствительно имѣла на себѣ крестъ съ частию древа Господня; но, по собственному ея призванію мнѣ, никто не зналъ о томъ, кромѣ ея самой. Она вынула этотъ крестъ, и дала ему облобызывать оный, что онъ и сдѣлалъ съ большимъ благоговѣніемъ. Въ пятницу же поздно вечеромъ онъ подзываетъ къ себѣ маленькую дочь свою, Сашу, и говоритъ ей: «Поди, скажи матери: я теперь нахожусь въ ковчегѣ, и высылаю перваго голубя — это моя вѣра, другой голубь мой — это терпѣніе». Уже поздно вечеромъ, когда онъ находился въ забытіи и съ трудомъ узнавалъ своихъ, онъ замѣтилъ подлѣ себя тещу свою, и говоритъ ей: «Теперь остается только матеріальная борьба; душа уже готова!» И это было послѣднее слово Жуковского, который, какъ зрѣлый плодъ, былъ бережно снятъ Десницею Божіею съ древа земной жизни его....

Въ понедѣльникъ 14/26 Апрѣля, въ 4 часа, мы совершили отпѣваніе надъ тѣломъ усопшаго при многочисленномъ стеченіи народа. Потомъ вынесли гробъ, и въ 6 часу тронулся съ мѣста погребальный поѣздъ. По городу гробъ несли на рукахъ; впереди шли пѣвчіе съ пѣніемъ: «Святый Боже!», и несли на пяти подушкахъ 30 орденовъ и знаковъ отличій, Русскихъ и иностранныхъ; я шелъ въ полномъ облаченіи, а за мной слѣдовалъ Римскокатолическій Деканъ города Бадена въ своей духовной формѣ — почестъ, исключительно оказанная памяти Жуковского, имя котораго давно уже извѣстно стало и въ Германіи. Его похоронили на загородномъ Баденскомъ кладбищѣ въ склепѣ. Останется ли тѣло его тамъ, или будетъ перенесено куда въ другое мѣсто, — но во всякомъ случаѣ и это временное мѣсто погребенія великаго поэта Русскаго будетъ увѣковѣчено памятникомъ, и вѣрно всякій Русскій, бывающій въ Баденѣ, посѣтитъ это мѣсто, и съ благоговѣніемъ прочтетъ: «здѣсь было погребено тѣло Жуковского».

Сколько я могъ узнать, послѣ смерти В. А. Жуковского осталось довольно сочиненій. Такъ, кромѣ его поэмы: «Странствующій Жидъ», осталась еще одна пѣсня Иліады *) и много мелкихъ произведеній, большею частию въ прозѣ. О «Странствующемъ Жидѣ» я съ любопытствомъ разспрашивалъ у писца, которому Жуковскій диктовалъ эту поему.

*) Изъ собственныхъ писемъ В. А. Жуковского, полученныхъ здѣсь, видно, что онъ перевелъ три пѣсни Иліады.